

Е. И. Каменцева, д. и. н., Москва

ВИДИМОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СКРЫТЫЙ ТРАГИЗМ ЖИЗНИ В. К. ЛУКОМСКОГО В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1917 год В. К. Лукомский встретил государственным чиновником, исследователем в области геральдики и генеалогии, педагогом и коллекционером. Вторая половина жизни, 20 - 40-е гг., была для него периодом значительного расширения круга деятельности. Он остался государственным служащим у новой власти, исследователем, педагогом и коллекционером. Но в новых условиях основная его деятельность - геральдика - приобрела новое значение. Еще в 1915 г. В. К. Лукомский был назначен управляющим Гербового отделения Департамента Герольдии Правительствующего Сената. При нем велась работа по составлению части XX Гербовника, утвержденной 3 февраля 1917 г. Существует еще и часть XXI Гербовника, составленная в период с 1 июня по 22 ноября 1917 г. В нее вошел 61 герб. В 1919 г. эту часть на средства В. К. Лукомского переплели и изготовили для нее футляр красного бархата.

Сенат 27 ноября 1917 г. был закрыт, но с 21 - 22 декабря занятия, по предложению Наркомюста, возобновились. В. К. Лукомский не примкнул к саботировавшему чиновничеству, сохранил весь документальный исторический материал Герольдии, накопленный с начала XVIII в. Постановлением от 12 апреля (30 марта ст. стилия) 1918 г. Народного комиссариата юстиции он был оставлен управляющим Гербового отделения, преобразованного далее в Гербовый музей, к которому присоединили архив бывшего Департамента Герольдии Сената, насчитывавшего свыше 2 млн. единиц хранения. С изданием декрета по архивному строительству от 1 июня 1918 г. Гербовый музей вошел в состав Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ). Как представитель Гербового музея, в 1920 г. В. К. Лукомский был кооптирован в качестве члена постоянного совещания управляющих ЕГАФ.

Этапом вхождения в новые государственные и общественные отношения явилась его работа (весна 1917 г. - осень 1918 г.) в составе Царскосельской художественно-исторической комиссии. Перед комиссией стояла задача - спасти художественные ценности царскосельских дворцов. Членами комиссии были: Георгий Крескентьевич Лукомский (председатель) - брат В. К. Лукомского, С. М. Коровин, М. И. Рославлев, Э. Ф. Голлербах и другие. О своей работе в комиссии он записал в "Хронике"¹: «Начал работу по инвентарному описанию имущества личных апартаментов Николая II. Особенно подробно определял фотопортреты, альбомы, рукописные материалы и книги библиотеки Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Николая II»². В Царском же селе состоял и хранителем личных апартаментов и библиотеки Николая II.

В дальнейшем В. К. Лукомский был командирован в художественно-историческую комиссию по охране дворцов-музеев, имея удостоверение комиссара по охране; временно заведовал историческим музеем Царского села; был заведующим архивом и библиотекой историко-бытового музея в доме Шереметевых. В 1934 г. Ленинградский союз советских

архитекторов избрал его шефом над зданиями Центрального архива на площади Декабристов и на набережной Красного флота (бывш. Сената и Синода).

Еще одно важное направление деятельности В. К. Лукомского в 20-х — начале 30-х гг. — создание новых музеев, организация постоянных и временных выставок. Для Первой конференции архивных работников в 1920 г. он занимался устройством выставки, был сотрудником выставочного бюро отдела народного образования, с 1921 г. являлся членом выставочного комитета по устройству выставок народного просвещения в Зимнем дворце. Известный архивист петроградец И. Л. Маяковский, работавший с ним в это время, вспоминал: «В. К. Лукомский обладал помимо знаний несомненно даром художника... когда он брался за устройство выставок, то эти выставки всегда бывали не только полноценными в научном отношении, но и исключительно художественно оформлены»³.

Состоял В. К. Лукомский и в разных добровольных общественных и научных организациях. Это Союз российских архивных деятелей, 1917 г.; Союз членов Петербургского археологического института, 1917 г.; Союз деятелей искусства, 1918 г.; Общество взаимопомощи литераторов и ученых, 1918 г.; Московское общество книжных знаков, 1919 г.; Петербургское общество эклибристов, 1922 г. (с 1924 г. — Ленинградское общество эклибристов); Общество изучения, популяризации и художественной охраны старого Петербурга и его окрестностей «Старый Петербург — Новый Ленинград», 1923 г.; Ленинградское общество библиофилов, 1924 г.; Общество историков-марксистов при Коммунистической академии, 1926 г.; Украинское библиологичное товарищество в Киеве, 1928 г.

Продолжалась и научно-исследовательская деятельность в области вспомогательных исторических дисциплин. По собственному его признанию, она оказалась «гораздо интенсивнее по темпам и продуктивнее по результатам». Редчайшие познания в области геральдики и генеалогии оказались крайне нужными в музейной, архивной и библиотечной работе. В Гербовом музее уже не велась работа по созданию дворянских гербов и их утверждению. Характер работы изменился. Но герб оставался в центре внимания. В бывшем Гербовом отделении осуществлялась экспертиза музейных, библиотечных и документальных материалов, что оказалось очень актуальным. В годы революции в государственные хранилища попали экспропрированные вещи, книги, документы, а также бесхозные предметы быта, разворованные и разграбленные в дворцах и усадьбах.

Для научного определения и паспортизации материальных ценностей «потребовалось выявление и уточнение всех данных, относящихся к этому материалу, а в частности и его происхождения. Лучшим показателем для этого явился герб». О значении гербовой экспертизы для работы с вещественными и письменными памятниками В. К. Лукомский выступил на Первой конференции архивных работников в Петрограде. На конференции работала секция «Побочные дисциплины». Так назвали вспомогательные исторические дисциплины организаторы конференции, посчитав, вероятно, как и в 50—60-е гг., недостойным называть их вспомогательными.

Гербовая экспертиза осуществлялась на протяжении двух десятилетий. Она определила особое значение геральдики и генеалогии в анализе исторических источников. К сожалению, ни в 20-х, ни в 30-х гг. на важность этих дисциплин в системе источниковедческих и исторических знаний не обращалось должного

внимания. Признавалась лишь практическая сторона - знания конкретного ученого, В. К. Лукомского, в определении с помощью гербов принадлежности, времени создания памятников культуры, рукописей и пр. для определения их ценности. Уже в 1919—1921 гг. исследователь подверг экспертизе и описал коллекцию матриц печатей и оттисков печатей государственных и ученых деятелей XVIII в., хранящихся в Академии художеств, провел экспертизу и описал коллекцию матриц печатей XVII—XIX вв. в составе Плюшкинского собрания памятников старины, поступивших в Русский музей. С определения матриц и оттисков печатей началась работа по установлению происхождения предметов материальной культуры по гербам. В 20-х гг. он провел экспертизу предметов с гербовыми эмблемами, хранившихся с XVI в. в Оружейной палате и поступивших в нее после Октября из подмосковных усадеб и особняков московской аристократии и буржуазии. Было обследовано свыше 500 предметов Оружейной палаты. Удалось определить первоначальную принадлежность разным известным историческим лицам свыше 300 предметов. Экспертиза осуществлялась и для других музеев. Всего за 20 лет в Гербовом музее было произведено более 1 000 гербовых экспертиз.

Гербы оказалось возможным использовать и для определения состава библиотек. По гербовым экслибрисам и гербовым переплетам выявлялись книги, принадлежавшие известным лицам России XVIII - XIX вв. Владельцы собраний книг были определены В. К. Лукомским для Государственной публичной библиотеки, библиотеки Академии наук, для книжного фонда в Ленинграде.

Определение принадлежности книг в 20-е гг. по гербовым экслибрисам было не менее важной проблемой, чем определение принадлежности памятников материальной культуры и документов по гербам. Для В. К. Лукомского характерна еще одна особенность. "Ученый собиратель, вечно странствующий в лабиринте архивных изысканий, влюбленный в тайны гербоведения, Лукомский пленил многих петербургских экслибрисистов экзотическим великолепием геральдики, генеалогии, сфрагистики, дипломатики etc.", - писал Э. Ф. Голлербах в брошюре "Книжные знаки А. М. Литвиненко" (Л., 1924. С. 14). Немало художников-графиков вдохновил он на работы в области экслибрисов. Среди них Г. И. Нарбут, А. М. Литвиненко, А. А. Толоконников. Не случайно и то, что для архива и библиотеки самого ученого неоднократно рисовались экслибрисы. Известны два опубликованных экслибриса - первый работы А. М. Литвиненко воспроизведен в книге В. Я. Адарюкова "Русские книжные знаки" (М., 1922. С. 47) и в упомянутой брошюре Э. Ф. Голлербаха (с. 26—27). Второй экслибрис выполнен Л. С. Хижинским, также опубликован два раза: Е. Н. Минаевым в книге "Экслибрисы художников Российской Федерации" (М., 1971) и В. С. Драчуком в книге "Рассказывает геральдика" (М., 1977). Помимо этих экслибрисов обнаружены еще два в фондах РГАЛИ работы Г. И. Нарбута и Г. К. Лукомского³.

Следует обратить внимание на определение В. К. Лукомским понятия "экслибрис", актуальное в наши дни. Знак должен быть создан "специально для книг в целях, прежде всего, указания владельца их". Иначе мы можем лишиться, со временем, очень важного признака определения состава библиотек. Интересно его предложение и об именовании вспомогательной исторической дисциплины об экслибрисах "экслибристикой". Он никогда не придерживался мнения некоторых специалистов о неизменном числе дисциплин,

считая, что с развитием исторических знаний вполне возможно сложение новых дисциплин.

Результаты работы с гербами по экспертизе отразились в статье о гербовой экспертизе, случаях и способах применения. В ней были сформулированы положения о значении гербов в анализе письменных источников и памятников материальной культуры для определения происхождения, промежуточных владельцев, авторов документов или создателей памятников материальной культуры. К этому же направлению научной работы относятся две публикации о родопроисхождении Ивана Федорова и о родоначальнике Пушкиных Радше. В статьях используются наблюдения над гербами.

Следует отметить, что успешной экспертизе гербов способствовали знания в области западноевропейской и русской геральдики и генеалогии. Кроме того, в Гербовом музее были сосредоточены первоисточники русской геральдики, прекрасная библиотека с тщательно подобранной литературой по геральдике и генеалогии — около 2 000 книг и брошюр, показательные коллекции геральдических и сфрагистических материалов, т. е. богатейший справочный материал.

Большая научная, организаторская работа, работа по экспертизе сопровождалась и собиранием собственной коллекции предметов обихода и книг с гербами. В одном из писем к В. С. Арсеньеву в 1926 г. В. К. Лукомский писал, что “собрание я надеюсь еще при жизни передать и устроить в Гербовом музее (каковых предметов пока в нем нет)”, дав, таким образом, показательную картину применения геральдики в русском быту прошлого времени⁶. И наконец, в своих исследованиях он ввел в научный оборот обширный комплекс не только вещественных, но и письменных источников, т. е. применил комплексный метод, использование которого в наше время является обязательным. Еще на одну особенность обращал внимание Л. В. Черепнин: “Европейски образованный человек, великолепно понимавший, что фундаментом, на котором можно строить научное знание, является знание того, что достигнуто силами всего человечества...”. Он одинаково владел знаниями в области русской, литовско-польской и в целом западноевропейской геральдики, осуществляя экспертизы и русских, и западноевропейских гербов.

Обширные знания пригодились и еще в одном направлении. По поручению Наркоминдела СССР В. К. Лукомский в 1933 г. консультировал правительство Литовской республики по истории Государственного герба Литвы и разработке нового его проекта.

Продолжалась и педагогическая работа. В 1918 г. советом Петроградского археологического института он был избран ассистентом к проф. Н. П. Лихачеву по кафедре дипломатики, а затем преподавателем геральдики, наконец, в 1921 г. — профессором кафедры геральдики и генеалогии. Но в 1922 г. Петроградский археологический институт был закрыт, а в Петроградском университете в составе факультета общественных наук образовано археологическое отделение с двумя секциями — археографической и археологической. В составе преподавателей института в университет перешел и В. К. Лукомский. Помимо работы на археологическом отделении он начал работу в университете на кафедре геральдики на литературно-художественном отделении по музейному циклу. Преподавательская деятельность в университете продолжалась до осени

1925 г., когда факультет общественных наук оказался реорганизован, а профессор геральдики и генеалогии от преподавания "освобожден"⁷.

Преподавательская деятельность определялась не только геральдикой. Непосредственный участник и свидетель советского архивного строительства, он на протяжении ряда лет читал курс лекций по архивному строительству СССР и хранению и охране архивных материалов. Такие курсы организовывались для работников районных и ведомственных архивов. На историко-архивных курсах усвершенствовали свои знания научные и старшие архивно-технические работники центральных и областных архивов Ленинграда. Читал лекции В. К. Лукомский и в Историко-архивном техникуме. В начале 1941 г. вел семинар по вспомогательным историческим дисциплинам (цикл 1 — геральдика) с аспирантами Государственной публичной библиотеки.

Рассказ о научной и педагогической деятельности будет неполным, если не упомянуть и о направлении, которым он занимался всю свою жизнь. Еще в 1911 г. В. К. Лукомский начал составление геральдического некрополя по всем петербургским и окрестным кладбищам. Позднее работа велась под его руководством студентами археологического института как практический семинар по геральдике. Такая же работа проводилась и по зданиям старого Петербурга, что особенно было ценно для определения первоначальных владельцев и паспортизации зданий.

Систематизация и учет всех этих гербовых материалов имели отношение к выявлению и классификации самобытных гербов, которые бытовали в среде дворянства с конца XVII в. Эти гербы не были официально утверждены верховной властью и, следовательно, не были внесены в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. В. К. Лукомский писал впоследствии, что "это был мой труд, которому я придавал наибольшее значение"⁸. В 1922 г. весь собранный к тому времени материал - около 2000 гербов - был перерисован на особые кальки в двух экземплярах; один был передан Н. А. Тигольту, соавтору книги "Русская геральдика", с которым он заключил товарищеский договор о составлении Сборника неутвержденных гербов. Судьба этих двух экземпляров калек достаточно трагична: кальки В. К. Лукомского погибли в годы блокады в Ленинграде вместе со всеми его коллекциями, архивом и библиотекой. Второй экземпляр калек Н.А. Тигольт увез в 1923 г. в Париж. Судьба этого экземпляра неизвестна. Архив Н. А. Тигольта после его смерти в Париже оказался в одной из библиотек. Хочется верить, что важнейший для родовой геральдики России сборник будет найден и вернется в Россию.

Неутвержденные гербы составляют приблизительно четвертую часть всех бытовавших в России гербов. В настоящее время мы не располагаем данными о неутвержденных гербах и для гербовой экспертизы работа с ними представляет неразрешимую трудность. В семинаре по геральдике было положено начало составлению Кавказского гербовника. Работу выполнял студент, а позднее аспирант археологического отделения университета В. В. Зенкевич, лучший ученик за годы преподавательской деятельности В. К. Лукомского.

Война трагически отразилась на личной судьбе ученого. В "Хронике" записано: "В связи с блокадой Ленинграда, приведшей к разрушению домового хозяйства (отсутствие света, отопления, водопровода, канализации и т. п.), а также ввиду серьезной болезни домохозяйки моей оставил свою квартиру и

пошел на казарменное положение в Архивный отдел УНКВД, став с этого дня бездомным скитальцем". И далее: "Февраля 7 (ночью). Пожар в доме, начавшийся с моей квартиры и погубивший все дотла"⁹. Он лишился собиравшихся на протяжении десятков лет коллекций, библиотеки, архива. Безвозвратно погибли многие рукописи. Он сумел перенести все потери и, эвакуированный в Москву летом 1942 г., после долгого лечения (в последние четыре года жизни) продолжил творческую работу на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института в должности профессора.¹⁰

В Москве он продолжил работу по составлению геральдических некрополей московских кладбищ и старинных зданий. Некоторое время действовал студенческий семинар, на котором студенты учились определять принадлежность гербов. Но в полную силу семинар развернуться не успел.

Работы, созданные в последние, московские годы его жизни, должны явиться предметом самого пристального внимания. В Историко-архивном институте создается Эмблематический гербовник с прекрасными рисунками графика А. А. Толоконникова. В. К. Лукомский говорил, что Эмблематический гербовник - последняя его работа, его долг перед геральдикой. Составлялся он как учебное пособие по геральдике "для усвоения выделенных категорий родовых гербов, точного определения принадлежности их отдельным феодальным родам российского дворянства".

Не меньшее значение имеет статья "Герб как исторический источник", опубликованная уже после его кончины. Она воспринимается как подведение научных итогов, как завещание потомкам. В ней определяются задачи, стоящие перед геральдикой, и перспективы ее дальнейшего развития.

Работа В. К. Лукомского достаточно высоко ценилась советской властью. В своих автобиографических материалах он сообщал, что ему дважды было присвоено почетное звание: первый раз - в 1932 г. - ударника 4-го года первой пятилетки за качество работы и ударные темпы, и второй - в 1935 г. - ударника за проявленную преданность делу и энтузиазм в работе. Соответствующую оценку получила научная и педагогическая деятельность. В 1938 г. Ученый совет Ленинградского государственного университета утвердил В. К. Лукомского в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации, а в 1944 г. Ученый совет Института археологии АН СССР присвоил ему ученую степень доктора исторических наук, также без защиты диссертации.

* * *

Несмотря на кажущееся благополучие, не так просто все было в жизни. В. К. Лукомский принадлежал к "потерянному" поколению. Внимательный читатель за скупыми, а иногда ироничными строчками "Хроники" и автобиографий прочтет о трудностях и огорчениях, о трагических жизненных ситуациях, сопровождавших его в советское время.

Сегодня вызывает только улыбку подчеркивание в автобиографиях, что он родился в семье, которая поддерживала свое благополучие личным трудом. Такими были отец, дед, прадед и даже прапрадед. Но ни в одной из автобиографий, особенно написанных в советское время, он открыто не писал, что родился в когда-то княжеской семье потомков Гедимины, потерявшей на сложных исторических путях к XIX в. не только земли, но и княжеский титул.

Разве можно недооценивать воспоминания Э. Ф. Голлербаха об условиях жизни и работы в послереволюционные годы, в которых упоминается о работе В. К. Лукомского в Царскосельской художественно-исторической комиссии: "Работали мы все не за страх, а за совесть, получали грошовое вознаграждение, восьмушку хлеба в день, часто вместо хлеба - канареечное семя или жмыхи. Однако духом не падали, трудились дружно и сумели сберечь все огромное художественное имущество Царскосельских дворцов."¹¹ А потом в "Хронике" под 8 февраля 1920 г. записал: "Получил ученый паек, установленный Комиссией содействия улучшению быта ученых", спасший от голодной смерти."¹² И это были не просто слова... А ведь была еще зима 1941 - 1942 г. а военном блокадном Ленинграде!

Сложны были и условия работы в Гербовом музее. В. К. Лукомский записывает (1922 г.) в "Хронике": "25 января (12 января ст. стилия - день 200-летия со дня учреждения Герольдмейстерской конторы). Сокращения штатов Гербового музея до меня одного в его личном составе". Что кроется за этой лаконичной записью? В одном из писем в Москву 7 февраля 1922 г. В. Я. Адарюкову писал: "У нас сейчас магия сокращения штатов в "Музее" - 4, к ноябрю сократили до 3-х... А теперь уволили всех, за исключением меня, обещают при случае вернуть. Взял на свое содержание одного. И жалко, 15 лет служил в Сенате, и порядочный человек, и необходим как личный секретарь. Просто не могу допустить такого издевательства. А самому приходится проживать всю обстановку. Грустно все это"¹³. Комментарии излишни! Речь, вероятно, шла о постоянном помощнике во всех работах - Федоре Федоровиче Калупине.

Трудно оценить переживания В. К. Лукомского, связанные с близким родственником, оставшимся в живых к концу 30-х гг., - братом Георгием Крескентьевичем, архитектором, художником, историком искусства и архитектуры. В 1919 г. он уехал на Украину и участвовал в организации Киевского музея западного и восточного искусства, а затем с 1921 г. жил за границей. Выезд предполагался временным. В письме к П. Д. Эттингеру¹⁴ 15 июля 1922 г. он писал из Берлина: "Я вернусь в Россию. Только немного позже, чем я рассчитывал: очень дела задерживают. Издаю здесь 3 книги... Надеюсь, буду в Петрограде к сентябрю". Братья, после разъезда В. К. Лукомского с женой в 1913 г., жили вместе, круг их интересов был достаточно близок. Крепки были и семейные традиции. Под 1913 г. в "Хронике" он записал: "Рождество. Сочельник. Самый счастливый день в моей жизни в Чернигове, у отца, всей семьей."¹⁵ Но братья больше не встречались, прервалась и переписка. В 1939 г. он писал к П. Д. Эттингеру: "С братом я не переписываюсь уже третий год". Для этого были достаточно веские основания. В 1935 г. в ночь с 23 на 24 марта В. К. Лукомский был подвергнут "домашнему обыску в течение пяти часов", арестован и заключен в камеру военной тюрьмы на Выборгской стороне; "...в 2 часа освобожден без последствий"¹⁶. Что искали и что нашли? Письма брата из-за границы, переписку, записки и дневники научного характера, коллекции печатей - матриц с дворянскими и царскими гербами, оттиски таких же печатей, собрание фарфора с гербами, гербовые экслибрисы, книги по геральдике и генеалогии. Все это могло явиться основанием для обвинения в монархическом заговоре или в чем-нибудь подобном, в связях с эмиграцией. Но этого не произошло. Что означают загадочные слова: "без последствий"? Но страх остался!

Кругом исчезали люди. Исчезать они начали давно, еще с конца 20-х гг. Близкие и дальние знакомые, друзья, с которыми он работал и был близок. Выслан в Сибирь А. А. Сиверс. Об этом в письме от 13 августа 1929 г. В. Я. Адарюкову: "Мало интересного и радостного могу сообщить Вам. А. А. уехал 20 июля в Новосибирск. Вся его библиотека и архивы приобретены Археографической комиссией за 3000 руб. Коллекцию экслибрисов (около 2 500, с большим количеством дублеров) приобрело наше ЛОЭ."¹⁷ В письме от 29 ноября 1929 г. на вопрос В. С. Арсеньева о родословных росписях пишет: "Кое-что могло быть у А. А. Сиверса, но и это поступило после отъезда его из Ленинграда также в Археографическую комиссию".¹⁸ Из письма ясно, что А. А. — это Александр Александрович Сиверс, бывший председатель Русского историко-генеалогического общества, с 1918 г. — научный сотрудник Государственного архивного фонда, Государственного Эрмитажа, библиотеки Академии наук. А отъезд из Ленинграда был далеко не добровольный. После ареста последовала высылка на три года в Туруханск.

Через некоторое время выяснилось, что не так просто и с библиотекой, и с архивом А. А. Сиверса, приобретенными Археографической комиссией. В Археографическую комиссию их перевез ученый секретарь А. И. Андреев без каких-либо документов о покупке. Вскоре и он был арестован вместе с другими учеными по "делу" академика С. Ф. Платонова. Всего было арестовано и в дальнейшем выслано в разные города 115 человек.

Через девять лет, в 1937 - 1938 гг., - новая волна арестов и расстрелов ученых, проходивших по "делу" С. Ф. Платонова. Репрессирован в Москве Д. М. Большаков - автор неоднократно переиздававшейся в начале 20-х гг. книги "Вспомогательные исторические дисциплины". В 30-х гг. он работал прокурором в Прокуратуре СССР, а в 1933 г. написал В. К. Лукомскому характеристику, очевидно, в связи с присвоением ему степени кандидата исторических наук.

Существовала ли у В. К. Лукомского надежда на встречу с братом? Вероятно, да. Но лишь в начале 20-х гг. Чем бы она закончилась, ответить трудно. Петроградский археологический институт 17 августа 1921 г. командировал его "за границу в Варшаву, Берлин, Париж для возобновления связей с заграничными учреждениями, однородными с институтом (командировка не состоялась и ограничилась лишь поездкой в Москву)."¹⁹ Наивный человек, как мог археологический институт, само существование которого висело на волоске, кого-либо командировать за границу? Записи в "Хронике" свидетельствуют, что многого еще не понимал этот интеллигент в 1921 г. Когда В. К. Лукомский понял, что остался один, когда начало сказываться на здоровье пережитое, когда уже не приобретались новые друзья, в письмах начинают проскальзывать грустные нотки об одиночестве и безнадежности в будущем. В письме В. Я. Адарюкову от 14 сентября 1926 г. он писал: "Отвечаю... горячей благодарностью за ласку и внимание, которые особенно драгоценны в моем положении одинокого и больного. Последнее, надеюсь, преходящее..."²⁰

В 1921 г. неприятности следовали одна за другой. В ноябре 1921 г. совет Петроградского археологического института избрал его проректором. В "Хронике" после этой записи лаконично помечено в скобках: "Отказано"²¹.

Это был второй отказ, в августе отказали в поездке за границу, в ноябре - в занятии административно-научной должности в учебном заведении.

Через четыре года прервалась и педагогическая работа в высшем учебном заведении. После слияния в 1923 г. археологического института с университетом оргкомиссия Ленинградского университета, как отмечалось выше, постановила: "Ввиду реорганизации факультета общественных наук освобожден [В. К. Лукомский. - Е. К.] от ведения курса геральдики на археологическом отделении с 1 октября 1925 г."²² Трудно стало и публиковать работы. "За последнее время мне удалось опубликовать только три небольшие статьи, - сообщал он в письме В. С. Арсеньеву в октябре 1926 г., - из коих только одну имел я в оттиске, да и то не удобочитаемую, т. к. она напечатана в переводе на украинский язык в сборнике Укр. Академии наук."²³

К концу 30-х гг. в архиве у него хранилось свыше 15 неопубликованных исследований, альбомов гербов, справочных материалов, в том числе Русский суперэкслибрис со 120 готовыми рисунками, Кавказский гербовник, Гербовник самобытных русских гербов. А как мог относиться В. К. Лукомский к публикации брошюры С. А. Мухина о судьбе одной библиотеки, к которой написал предисловие? В предисловии и самом тексте отсутствовало упоминание о принадлежности этой библиотеки. Издатель - Общество библиофилов - не посмел этого сделать. Принадлежала она в конце XVIII - первой половине XIX в. ближайшему родственнику царей, брату Александра I и Николая I - великому князю Константину Павловичу. Даже отдаленность времени не позволила раскрыть "секрет". Невозможно было упомянуть, что разграблена и используется на оборотную бумагу богатейшая библиотека, в которой содержались книги XVIII в. И с увлечением ли писал ученый раздел для совместной работы с известным архивистом М. И. Ахуном о выявлении архивных материалов для истории фабрик и заводов? Но это была "актуальная" тема.

Дело жизни В. К. Лукомского — Гербовое отделение, преобразованное в 1918 г. в Гербовый музей, где он был управляющим, постепенно превратилось в архивное учреждение. В 1928 г. должность управляющего была переименована в должность ученого хранителя Гербового музея; в 1932 г. Гербовый музей получил новое название "Кабинет вспомогательных исторических дисциплин", в 1933 г. В. К. Лукомский становится старшим архивистом, одновременно выполняя функции заведующего кабинетом. В 1928 г. в Гербовом музее был организован им отдел памятников материальной культуры с гербами феодальных родов Западной Европы и России, полученными из музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки, где сосредоточивались конфискованные частные собрания. Но в конце года по решению начальства в Гербовом музее были сняты все орлы, портреты и иконы "и тем искажен весь interior музея с его характерным бытовым обликом"²⁴.

В 1932 г. - новая реорганизация. Кабинет вспомогательных исторических дисциплин переименован в Научно-исследовательский кабинет во главе со старшим научным сотрудником 1-го разряда. Следующие изменения произошли в конце 1935 - начале 1936 гг.: возвращено название "Кабинет вспомогательных исторических дисциплин", заведующий - В. К. Лукомский.

Непоправимый удар был нанесен бывшему Гербовому музею в конце 1937 г. Поступило распоряжение о "передаче Эрмитажу коллекций гербовых материалов, полученных из музейного фонда для Гербового музея"²⁵.

Последние реорганизации совпали с переходом сети государственных архивов в систему НКВД. В августе 1939 г. состоялась "передача Кабинетом вспомогательных исторических дисциплин всех документальных материалов, хранившихся ранее в Гербовом отделении Сената, а затем в Гербовом музее, в Центральный государственный архив внутренней политики (четвертый отдел)".²⁶ Запись эта автором "Хроники" оставлена без комментариев, но решение означало ликвидацию теперь не нужного учреждения. В результате ему оставалось выйти на пенсию с переводом на половину рабочего дня. В октябре 1939 г. была назначена академическая пенсия в размере 200 руб. Однако кабинет не был совсем ликвидирован. Его переименовали в Архивный кабинет, ученым консультантом был назначен В. К. Лукомский, исполняющий обязанности заведующего кабинетом. Так закончились преобразования Гербового отделения.

В 1939 г. в журнале "Архивное дело" вышла статья В. К. Лукомского о гербовой экспертизе, случаях и способах ее применения. Интересна его переписка по поводу опубликования с П. Д. Эттингером: "От Вас первого получил выражение сочувствия к последней - пропетую мною лебединой песней... я сказал "лебединая", т. к. плохо верю, чтобы любимая мною тема встречала широкий интерес в том историческом аспекте, в котором всегда интересовали меня увлекательные загадки прошлого". Эта мысль о ненужности в новых условиях звучала неоднократно.

Ушли и ученики. В. К. Лукомский писал П. Д. Эттингеру: "...ученики мои (человек 5 - 7) все перекавалифицировались, и лучший из них (вероятно, В. В. Зенкевич — Е. К.) стал инженером-химиком. И в добрый час - это сейчас нужнее". Он понимал, что дворянская геральдика в стране победившего социализма не имеет перспектив для развития. В том же письме он трезво оценивал возможности развития геральдики: "Скорее предметом интереса и дальнейшей разработки проблем данной области (геральдики.— Е. К.) является эмблематика будущего, что, конечно, вполне естественно и необходимо, как очередная задача геральдики. Последнее же надо творить, на что нужнее новые и молодые силы". Это был приговор самому себе.

Есть еще одна сторона, характеризующая научную деятельность и вообще работу и жизнь В. К. Лукомского, - это стремление к красоте художественного оформления, будь то издание книги, выставка, написание письма или делового документа. Для изданий "Родословие дворян Митусовых" и "Русская геральдика", сообщил он В. Я. Адарюкову, был использован "совершенный, прекрасный шрифт, которым отпечатан Общій гербовник".²⁷ И здесь не обходилось без трудностей. В 1926 г. он пишет об этом В. Я. Адарюкову. Еще в 1921 г. Сенатскую типографию, преобразовали в школу-типографию: "В типографской школе было 400 учеников, и они-то и "съели" типографию, т. к. работали плохо, а денег пожирали уйму. В настоящее время школа уже с весны закрыта, а типография если не найдет хозяина до 1 - 5 сентября, то будет также закрыта, а затем, возможно и вовсе ликвидирована... Закрытие ее большое огорчение и для нашего Общества экслибрисистов, так как опять приходится искать типографию и налаживать дела."²⁸ Необычная аккуратность характеризовала его и в жизни. Можно лишь догадываться, какие трудности переживал он в последние годы жизни, оставшись после переезда в Москву без квартиры и самых необходимых вещей.

Накопленные им архив, коллекции, книги, как упоминалось, предполагалось передать в исторический архив, в составе которого находился архив Герольдии. Перечислив материалы, собранные им, он в письме П. Д. Эттингеру писал: "Все это надо окончательно систематизировать, описать и своевременно самому передать, как мой последний дар Любимой Родине". Это звучит как крик души. Но планы не осуществились...

Началась война. Основная часть материалов погибла. Утрата архива, библиотеки, коллекций, которые позволили бы сегодня полнее представить историографию геральдики как вспомогательной исторической дисциплины, невосполнима.

Гибель коллекций была последним ударом, который, как и другие, В. К. Лукомский стойко перенес. Вспоминая о погибших материалах в выступлениях перед научной общественностью Москвы, он обычно заканчивал следующим: "На фоне переживаемых грозных событий и тех грандиозных разрушений и лишений, которые несет моя Родина, личное, свое, становится гораздо мельче."²⁹

Для В. К. Лукомского "грозные события" и "грандиозные разрушения и лишения" начались в 1917 г. Только беззаветная любовь к Родине, преданность делу, которому он посвятил свою жизнь, объясняют его поступки. Внешне достаточно благополучная, она была трагичной по сути. Он избежал репрессий, но постоянно жил в ожидании их.

В. К. Лукомский был достаточно осторожен в неофициальных записях, которые думал оставить после себя, осторожен в письмах, официальных документах. Он прекрасно понимал, что предмет его занятий все меньше и меньше интересует окружающих его людей и у него нет последователей. Перед людьми, проявлявшими малейший интерес к близким ему проблемам, он раскрывался как человек. В этом причина различных его характеристик. Одним он казался замкнутым, другим - интересным собеседником, любившим вспоминать прошлое.

Ушли из жизни соратники В. К. Лукомского, ушел из жизни и он сам. На путь научной деятельности активно вступило новое поколение, чуть ли не полвека совершавшее "открытия", которых не было бы, если бы не прервалась связь поколений. Лишь сейчас пришли к пониманию, что истинно научное знание может строиться на фундаменте достигнутого силами предшествующих поколений - и не только России, но и всего человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хроника моей жизни (РГИА. Ф.986.Оп.1.Д.77).

² Хроника. Л. 54.

³ ЦМММ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 328. Л. 38.

⁴ РГИЛ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 78. Л. 15.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2430. Он. 2. Д. 41. Л II, 13

⁶ Хроника. Л.69.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 43. Д. 35. Л. 146 об. - 147.

⁸ РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 78. Л. 27.

⁹ Хроника. Л. 103.

¹⁰ В литературе есть данные, что на кафедру его пригласил проф. А.И. Андреев, заведовавший в то время кафедрой. Это не соответствует действительности. Заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин ее основатель А. Н. Сперанский. Он умер 9 января 1943 г., после него некоторое время исполнял обязанности заведующего проф.

П.П. Смирнов, и только в марте 1943 г. в должность заведующего вступил проф. А. И. Андреев.

¹¹ Георгий Крескентьевич Лукомский. Казань, 1928. С. 9.

¹² Из 45 академиков Российской академик наук от недоедания скончались в 1918 - 1919 гг. семь ученых.

¹³ Архив ГМИИ им. А. С. Пушкина. Ф. 22 (Адарюков В. Я.). Оп. 1. Д. 137. Л.1 об. Адарюков Владимир Яковлевич (1863-1932) - историк искусства, библиограф, председатель Общества друзей книги, заведующий русским отделом граверного кабинета Музея изобразительных искусств в 1921-1932 гг.

¹⁴ Эттингер Павел Давидович (1866 - 1948) - искусствовед, библиограф, коллекционер картин.

¹⁵ Хроника. Л. 46.

¹⁶ Там же. Л. 89.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 689. Оп.1. Д. 169. Л. 15 об.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 43. Д. 35. Л. 165.

¹⁹ Хроника. Л. 61.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 689. Оп. 1. Д. 169 Л. 10.

²¹ Хроника. Л. 61.

²² Там же. Л. 69.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 43 Д.35 Л. 150 об. - 151.

²⁴ Хроника. Л. 75

²⁵ Там же. Л. 93.

²⁶ Хроника. Л. 97.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 689. Оп. 1. Д. 169. Л. 6 - 6 об.

²⁸ Там же. Л. 9 - 9 об.

²⁹ РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 78. Л. 50.

* * *

Статья написана по материалам одноименного доклада, читанного на I Международной генеалого-геральдической научной конференции. Текст статьи вошел в книгу Е.И. Каменцевой и О.Н. Наумова "В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность: Библиографический указатель". (М., 1994. 72 с.)